

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: РОССИЙСКИЙ РАКУРС

М.М. Лебедева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Начиная с конца XX в. с повышением роли человеческого фактора в мире возросло и значение социальной и гуманитарной компоненты в мировой политике. Это нашло проявление не только в собственно гуманитарных и социальных вопросах, но также и в том, что человеческий фактор стал важнейшей составляющей военно-политической и международно-экономической проблематики.

В статье анализ российских международных исследований по социальным и гуманитарным проблемам проведён по двум основным направлениям, связанным друг с другом: 1) «мягкая сила» и публичная дипломатия; 2) человеческий капитал. В рамках первого направления анализируются различные подходы к пониманию «мягкой силы» и публичной дипломатии в России. Показывается, что нередко оба эти термина понимаются как информационное и пропагандистское воздействие на общества других стран. В связи с этим в последние годы особое внимание российские авторы уделяют вопросам информационных и гибридных войн.

Российские исследования по изучению человеческого капитала в количественном отношении значительно уступают исследованиям первого направления. В то же время отечественные работы по проблемам современной роли высшего образования, его использования в качестве «мягкой силы» явились во многом пионерскими в мировых международных исследованиях.

В статье делается вывод о том, что современные исследования социальной и гуманитарной проблематики как в России, так и за рубежом в целом пока не отвечают той роли, которую приобретает сегодня человек в мировой политике. Требуется концептуальный анализ социальной и гуманитарной компоненты мировой политики, а также её проявлений в конкретных областях.

Ключевые слова: социальная и гуманитарная проблематика, российские международные исследования, «мягкая сила», публичная дипломатия, человеческий капитал.

УДК 327, 378.2

Поступила в редакцию 10.11.2017 г.

Принята к публикации 01.02.2018 г.

Рост значения социальной и гуманитарной компоненты в мировой политике

Социально-гуманитарная проблематика по сравнению с проблематикой безопасности в течение многих десятилетий находилась на периферии внимания политиков, а как следствие и исследовательского интереса авторов, работающих в области международных отношений и мировой политики. Все было сосредоточено на военно-политических (т.н., highpolitics) и отчасти политико-экономических вопросах. Перелом произошёл в конце XX – начале XXI вв. Нельзя сказать, что проблемы безопасности или экономического развития стали меньше привлекать внимание политиков и исследователей и ушли из международной повестки. Можно лишь утверждать, что гуманитарные аспекты стали вызывать всё больший интерес тех и других [24].

Причины такой ориентации кроются в том, что в начале нового века мы наблюдаем очевидный разворот, и в политике, и в научной сфере в сторону человека. Это относится не только к международным исследованиям. Например, не случайно Нобелевская премия в области экономики 2017 г. присуждена Р. Тайлеру за создание такого направления в экономической науке, как поведенческая экономика, являющегося своеобразным мостом между экономикой и психологией. Другим примером может служить то, что в последние годы в развитых странах всё больше внимания уделяется тем отраслям экономики, которые связаны с повышением качества жизни человека [14].

Наконец, социально-гуманитарные связи, впрочем, как и экономические создают условия для долгосрочного взаимодействия участников даже в ситуациях ухудшения общего политического климата. И это является важнейшим фактором их поддержания, а, следовательно, и изучения.

В международной сфере современные конфликты и войны сопровождаются активными действиями в социальной и гуманитарной сфере. Отсюда появление таких феноменов, как «информационные войны», «гибридные войны» и т.п. Активизация экономических акторов мировой политики – ТНК и других бизнес-структур – привела к тому, что в профессиональную международно-экономическую сферу оказались вовлечены огромные массы людей. Центральной фигурой в этой сфере, как и в экономике в целом, стал человек, который вышел за пределы национальных границ государства.

Что касается непосредственно социальной и гуманитарной области, то она бурно развивалась с конца прошлого столетия через деятельность международных неправительственных организаций, международное сотрудничество в области образования (Болонский процесс со всеми его преимуществами и недостатками – яркий тому пример), социальные сети и т.п.

Очевидно, что вовлечению индивида в транснациональные отношения способствовало развитие информационных и коммуникационных технологий. И если в конце XX в. стала возможной транснационализация государств и ор-

ганизаций (прежде всего, структур бизнеса и НПО), то в XXI в. мир столкнулся с транснационализацией человеческих связей и отношений. При этом один и тот же человек оказывается вовлечённым в целый ряд пересекающихся транснациональных групп. Так, Т. Бирстекер отмечает, что в современном мире происходит формирование транснациональных политических сетей, суть которых заключается в том, что субъект (в частности, человек) оказывается включённым во множество сетей, связанных с исследованием того или иного политического феномена, реализации различных предложений, оценки политических проектов и т.п. [56].

В то же время далеко не все люди включаются в транснациональные отношения. И это порождает новый социальный раскол в мире, который характерен сегодня для целого ряда стран, причём очень разных. Он проходит по линии ориентации человека, либо на транснациональные отношения, либо на возвращения в рамки национального государства, локальных связей, а иногда возвращения и к родоплеменным связям. В этом случае происходит архаизация государства [19]. Примерами архаизации государства, понимаемой как отход к предыдущей ступени развития, могут служить Ливия (возврат от национального государства к родоплеменным отношениям) и Великобритания с её Brexit (возврат от наднациональных структур Евросоюза к национальному государству) [51]. Но если в случае с Ливией раскол общества по данному параметру сложно уловить (скорее, присутствует раскол между различными племенами и группами), то в случае Великобритании он очевиден: крупные города, в частности, Лондон голосовали за то, чтобы остаться в Евросоюзе, т.е. за большую включённость в транснациональные отношения, в то время как небольшие населённые пункты видели своё будущее в рамках национальных границ. Президентские выборы США 2016 г. также продемонстрировали раскол американского общества по этому параметру. Здесь, правда, следует сделать оговорку, связанную с тем, что в последние годы архаичные отношения порой стремятся к транснационализации. Наиболее яркими примерами здесь выступают «Аль-Каида» и ИГИЛ¹.

Тем не менее, явное проявление социального раскола в современном мире, к тому же в значительных масштабах – явление относительно новое и не получившее пока должного осмысления в научной литературе. Однако очевидно, что оно весьма значимо как в плане внутривнутриполитического развития государств, так и в глобальном масштабе и нуждается в серьёзном научном анализе. То же можно утверждать относительно попыток транснационализации архаичных моделей поведения. Представляется, что эта социально-гуманитарная область будет интенсивно изучаться в ближайшем будущем.

В целом социальная и гуманитарная сфера может выступать в различных качествах. Это и сфера взаимодействия и сотрудничества, и средство развития.

¹ Террористические организации, запрещённые в России.

Это ресурс воздействия на другие страны, это также область, в которой может накапливаться конфликтный потенциал. Иными словами, социально-гуманитарный блок может проявлять себя с разными функциями.

Внимание исследователей к социальным и гуманитарным аспектам мировой политики стало возрастать в конце XX в. Именно тогда Дж. Най формулирует свою концепцию «мягкой силы» [59], вызвавшей первоначально бурю критики. Ситуация во многом стала меняться в начале XXI в. Поворотным моментом во многом здесь явились террористические акты 11 сентября 2001 г. Тогда появилось осознание того, что в противодействии терроризму нельзя ограничиваться только военным и экономическим воздействием. А.В. Долинский писал, что террористическая атака, осуществлённая практически несколькими десятками людей, за которыми не стояли великие державы, положила начало дискуссии о том, как предотвратить подобные трагедии в будущем. Довольно быстро академическое сообщество и дипломаты-практики пришли к консенсусу о роли коммуникации с зарубежными обществами с целью препятствовать росту исламистского экстремизма [8].

Как же в современных российских международных исследованиях представлена социально-гуманитарная проблематика?

Обращение России к социальным и гуманитарным проблемам мировой политики

Россия несколько позднее, хотя и без столь драматичных событий как США, поставила перед собой аналогичную задачу: воздействовать на другие страны с помощью информационного и гуманитарного ресурса. Мотивом во многом послужила политическая цель, направленная на восстановление влияния России на мировой арене. Данная цель, а также мотивация были в рамках общемировой тенденции возрастания значения социального и гуманитарного ресурса. Для восстановления влияния России на мировой арене был недостаточен паритет с США в военно-политической сфере. Российская экономика, хотя и демонстрировала в начале XXI в. некоторые улучшения, явно не могла претендовать на обеспечение России лидирующих позиций в мире. В этих условиях гуманитарный ресурс как нельзя лучше подходил для реализации поставленной цели.

Повышение внимания России к гуманитарным аспектам на международной арене нашло отражение в Концепции внешней политики России 2008 г., в которой была сформулирована задача «добиваться объективного восприятия России в мире, развивая собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций российских средств массовой информации в мировом информационном пространстве»².

² Концепция внешней политики РФ 2008г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785>

В результате в России значительно увеличилось финансирование различных проектов и мероприятий в социальной и гуманитарной сферах. Были созданы фонды – «Русский мир», Фонд публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, а также ряд других, задачей которых стало поддержание и распространение русского языка, развитие публичной дипломатии и т.п. В 2008 г. на основе Указа президента России создаётся Федеральное агентство Россотрудничество, деятельность которого направлена на развитие гуманитарного сотрудничества с зарубежными странами, а также работу с соотечественниками, оказавшимися за пределами России. Был образован и целый ряд других структур, в том числе в СМИ. В частности, был создан телевизионный канал Russia Today. Кроме этого, предпринят ещё целый ряд практических шагов. Как результат повышения внимания к гуманитарным и социальным проблемам во внешней политике со стороны российских политиков увеличилось и число российских исследований, в которых анализировались эти вопросы.

Изучение международных аспектов социальной и гуманитарной проблематики в России пошло по двум основным направлениям. Первое направление исследований, которому уделяется больше всего внимания, стало развиваться с начала 2000-х гг. Оно представлено работами по изучению вопросов «мягкой силы» и, отчасти, публичной дипломатии, как в теоретическом плане, так и в плане изучения конкретных примеров использования. В рамках данного направления анализируется также включение гуманитарных и социальных вопросов в проблематику конфликтов и войн. Эти вопросы получили развитие в России немного позднее, а именно, в 10-х гг. нынешнего столетия.

Второе направление в определённой степени связано с первым, но по количеству работ всё же ему уступает. Оно ориентировано на анализ человеческого капитала. Однако именно это направление представляет особый интерес, поскольку по некоторым параметрам тематики российские исследования отличаются от западных работ в этой области. Так, российские авторы во многом выступили пионерами в изучении международных проблем высшего образования и в значительной степени открыли данное направление для международных исследований.

«Мягкая сила» и публичная дипломатия в российских исследованиях

Проблематика «мягкой силы» не сразу была воспринята научным сообществом, впрочем, как и политиками, в России. Идею Дж. Наю, выдвинутую им в начале 1990-х гг., встретили сначала с большой долей скепсиса, не увидев в ней рационального зерна. Из множества возражений, выдвинутых российскими авторами Дж. Наю, пожалуй, наиболее часто используемым было то, что данная идея не содержит ничего нового. Рассуждения строились на том основании, что со времён появления человечества одни группы так или иначе «мягким образом» влияли на других.

Впоследствии после проведения ряда исследований ситуация в России значительно изменилась. В результате во многом благодаря исследовательским работам, а также практике применения другими государствами термин «мягкая сила» вошёл в текст Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой в 2013 г.³, а затем и в Концепцию внешней политики 2016 г.⁴.

Российские работы по «мягкой силе» и публичной дипломатии можно разделить на три большие группы. Первая – это исследования, в которых предпринимаются усилия по теоретическому осмыслению данных вопросов. Вторая группа исследований включает в себя множество case studies по использованию «мягкой силы» и публичной дипломатии теми или иными государствами. Наконец, третья группа, представленная прежде всего исследователями из Екатеринбурга, проводит исследования по операционализации понятия эффективности использования «мягкой силы».

В теоретических работах российские авторы пытаются выявить особенности использования «мягкой силы», её отличие от других средств воздействия и т.п. [см., напр., 10]. Сегодня в России существует множество трактовок «мягкой силы» и переводов данного термина. Например, П.Б. Паршин обратил внимание на два понимания «мягкой силы». Согласно первому – это инструмент или технология, главным образом коммуникативная, которая предполагает нанесение потенциально меньшего ущерба объекту применения силы по сравнению с другими («жесткими») инструментами (технологиями). Другое понимание «мягкой силы» заключается в том, что она рассматривается как потенциал воздействия некоторого актора, обусловленный его притягательностью и стремлением приобщиться к его ценностям [37].

Наиболее распространённое понимание «мягкой силы» в России – это любые невоенные методы воздействия на противоположную сторону, т.е., скорее, то, что П.Б. Паршин назвал «технологическим». При таком подходе экономическое и политическое принуждение, а также его другие виды попадают под определение «мягкой силы». Обычно считается, что принуждение может быть только военным или экономическим. Так, В.Я. Ваплер, Н.Э. Гронская и их коллеги пишут, ссылаясь на Дж. Най, что «мягкая сила» – это способность страны воздействовать на других средствами, отличными от военного и экономического принуждения, которое является «жесткой силой» [5]. Однако Дж. Най много раз подчёркивал, что главное в его концепции – формирование предпочтений путём создания привлекательности для другого [58]. Правда, поскольку в качестве ресурсов «мягкой силы» Дж. Най называет культуру, идеологию, институты, внешнюю политику, можно прийти к заключению, что экономика не входит в арсенал её средств. Однако последующие работы Дж. Най, а также других

³ Концепция внешней политики Российской Федерации утверждена президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации утверждена президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

авторов, в которых, с одной стороны, показано, что нет жёсткого перехода от «мягкой силы» к «жёсткой силе» [57], с другой – то, что различные явления могут быть привлекательными, в том числе, и экономика, и даже в определённых условиях и для определённых групп «жёсткая сила» [см., напр., 20].

Кроме того, в России (впрочем, не только в России) использование «мягкой силы» нередко отождествляется с пропагандой и в этом случае оценивается обычно отрицательно. При таком понимании, действительно, исчезают различия между «мягкой силой», пропагандой, невоенными и экономическими средствами давления и т.п.

В последние годы в российский научный дискурс всё активнее входит понимание именно того, что Дж. Най определил «мягкую силу» через привлекательность [см., напр., 36]. Было показано, что в рамках реалистского подхода происходит отождествление понятий «мягкая сила» и «пропаганда», в то время, как в рамках неолиберального направления теории международных отношений между этими понятиями есть принципиальная разница. Например, пропаганда предусматривает манипулятивное воздействие, а «мягкая сила» его исключает. Пропаганда ориентирована, как правило, на краткосрочные цели. С помощью пропаганды можно решить сиюминутные задачи, в то время, как «мягкая сила» предусматривает долгосрочные отношения с партнёром [20].

Довольно большой пласт российских работ посвящён анализу «мягкой силы» в качестве внешнеполитического инструмента отдельных государств. В российской научной литературе отмечаются особенности японской «мягкой силы» [55], «мягкой силы» США [4], Германии [43], ЕС [2] и других акторов мировой политики, включая Россию [1; 30] и ЕАЭС [28]. Изучаются также отдельные сферы, которые могут выступать в качестве инструмента «мягкой силы»: образование [49], СМИ [11], кинематограф [45], спорт [41] и т.п., а также относительно новые аспекты «мягкой силы», связанные с негативными последствиями её применения [26] и деятельностью террористов [31].

Третья, наименее многочисленная группа работ по «мягкой силе», в значительной степени представлена исследованиями О.Ф. Русаковой и её коллег. В этих работах авторы пытаются, в том числе, на основе количественных показателей определить рейтинговые показатели «мягкой силы». Например, Россия по данным авторов, занимает 27-е место среди 40 проанализированных ими стран [41].

Близкими к проблематике «мягкой силы» являются исследования, связанные с поддержкой соотечественников. Так, в российской политике и научной литературе по сравнению с советским периодом значительно пересмотрены взгляды относительно соотечественников, проживающих за рубежом. Отмечается, что для современной России важна сильная диаспора, интегрированная в общество страны проживания [53].

Исследования по публичной дипломатии в России представлены меньшим объёмом по сравнению с работами по «мягкой силе». В основном они проводятся

в Москве и Санкт-Петербурге, но по своей структуре они сходны с предыдущей группой. Это: 1) теоретическое осмысление вопросов публичной дипломатии и 2) изучение конкретных случаев её использования различными государствами. Интерес к публичной дипломатии в России, как и в предыдущем случае, обусловлен, с одной стороны, вовлечённостью больших масс в мирополитические процессы в современном мире, с другой – задачами по формированию образа России за рубежом.

Если наиболее распространённое понимание публичной дипломатии, например, в США, связано с воздействием одного государства на общество другого (других) государства [61], то этого нельзя сказать о российских исследованиях публичной дипломатии. Во многих российских работах публичная дипломатия отождествляется с деятельностью неправительственных организаций и является синонимом общественной дипломатии, или народной дипломатии [см., напр., 9; 34]. К такому отождествлению ведёт игнорирование того факта, что каналы осуществления публичной дипломатии могут быть, как государственные, так и негосударственные. Иными словами, государство может действовать напрямую через своих официальных представителей, а может – опосредовано, через негосударственных акторов. Кроме того, негосударственные акторы далеко не всегда выступают проводниками политики государства. В результате понятийный аппарат публичной дипломатии в русскоязычной литературе оказался крайне размытым. Такой подход значительно сужает сферу деятельности публичной дипломатии, поскольку исключает официальные каналы её реализации. На данный аспект обращает внимание А. Долинский. Он пишет, что у публичной дипломатии «появилось и второе значение термина в русском языке – дипломатия на уровне общественных организаций. Это породило опасную путаницу: даже среди экспертов встречается убеждение, что *public diplomacy* – это лишь диалог на уровне неправительственных организаций. Между тем, *public diplomacy* подразумевает более широкий спектр направлений деятельности...» [7]. Близких взглядов придерживается Т.В. Зонова. Она отмечает, что «в нашем внешнеполитическом лексиконе в ходу два термина применительно к дипломатии: «публичная» и «общественная». Однако к взаимозаменяемости этих терминов надо относиться с особой осторожностью. Мы живём в эпоху глобальной коммуникации, а, следовательно, и глобального перевода. Определение «общественная» будет переводиться на другие языки и как социальная, и как гражданская, и как народная. Понятно, что «общественной» мы именуем дипломатию неправительственных организаций» [13].

Ещё один момент, который необходимо отметить в теоретических исследованиях публичной дипломатии, а именно, понимается ли она как один из путей реализации «мягкой силы» в рамках концепции Дж. Ная, или напротив – публичная дипломатия выступает в качестве пропагандистского средства воздействия.

Особое внимание в настоящее время в российских исследованиях обращается на возможности науки в рамках публичной дипломатии и поиска с её по-

мощью разрешения международных проблем. Это направление – научная дипломатия – относительно новое в России, хотя успешный опыт взаимодействия советских и западных учёных в целях урегулирования конфликтов и предотвращения ядерной катастрофы был ещё в период холодной войны. В. Панченко и А. Торкунов отмечают, что исследователи по роду своей деятельности не озабочены необходимостью упрощать реальность. Поэтому взаимодействие исследователей из разных стран позволяет лучше понять проблему, а значит и наметить пути ее решения⁵.

Довольно большой пласт работ посвящён публичной дипломатии государств и межправительственных организаций. Изучается публичная дипломатия Израиля, стран Центральной Азии, Ирана, Ватикана, ЕС, СНГ, НАТО, ОДКБ и ШОС, а также исторические модели публичной дипломатии [29]. При этом публичная дипломатия рассматривается несколько шире его традиционного понимания как воздействие государства на общества других стран, поскольку в исследовательском фокусе оказываются наднациональные межгосударственные структуры. Впрочем, нельзя сказать, что в этом отношении российские исследования уникальны. Публичная дипломатия межправительственных структур изучается не только российскими авторами [см., напр., 60].

Если говорить об исследованиях публичной дипломатии государств, то наибольшее внимание российские исследователи уделяют публичной дипломатии США [см., напр., 17]. При этом Н.А. Цветкова отмечает, что в последние годы публичная дипломатия США претерпевает значительные изменения. Если в начале XXI в. публичная дипломатия США «была нацелена на политику «привлечения-вовлечения» зарубежной целевой аудитории по отношению к ценностям и культуре США», то затем «произошла резкая смена концептуальной парадигмы публичной дипломатии США. Вместо инструмента проведения политики привлечения-вовлечения она стала механизмом стратегической коммуникации» [52], т.е. целенаправленного информационного воздействия на внешнюю аудиторию для реализации собственных целей. Иными словами, согласно Н.А. Цветковой, в США произошёл сдвиг от использования публичной дипломатии как инструмента реализации «мягкой силы» к пропагандистскому инструменту. В этом же контексте российские авторы обычно анализируют инструментарию «цветных революций» [см., напр., 33].

Близкое к стратегической коммуникации понимание публичной дипломатии представлено в работах А.И. Подберёзкина и А.В. Жукова. Они отмечают, что в XXI в. СМИ и интернет позволяют решать вопросы, которые ранее решались военными, экономическими и другими средствами. В результате «публичная дипломатия стала неотъемлемой составляющей сетевидной гибридной войны, в которой роль информационного воздействия на противника становится определяющей» [40].

⁵ Панченко В., Торкунов А.В. Учёный как дипломат. Российская газета. 26.06.2017. URL: <https://rg.ru/2017/06/26/kak-nauchnoe-sotrudnichestvo-pomogaet-resheniiu-mezhdunarodnyh-problem.html>

В целом необходимо отметить, что работы по вопросам гибридных и информационных войн, а также «цветных революций» довольно популярны в России.

Представляется, что следует всё же различать публичную дипломатию и стратегическую коммуникацию, которые представляют два разных инструмента. В ситуациях конфликта могут применяться и часто применяются средства жёсткого информационного воздействия на противоположную сторону. В результате происходят информационные войны, гибридные войны и т.п., получившие описание в российской литературе [см., напр., 32; 35]. В то же время в условиях конфликта и кризиса используются средства собственно публичной дипломатии, направленные на снижение напряжённости, примирение сторон и т.п. [23]. И это разные инструменты, которые следует различать.

Развитие интернета, социальных сетей привело к новым явлениям в публичной дипломатии, к которым относятся не только различные виды онлайн-войн. Так, Е.С. Зиновьева отмечает, что цифровая дипломатия способствовала изменению дипломатии от иерархической к сетевой, вовлечению больших масс людей в решение проблем. Использование цифровой публичной дипломатии может способствовать снижению напряжённости, правда, часто это достигается отключением коммуникации. Эффективна цифровая публичная дипломатия и как инструмент постконфликтного урегулирования [12].

Анализ человеческого капитала в российских международных исследованиях

К вопросам человеческого капитала традиционно обращались экономисты. Для исследователей международных отношений и мировой политики, долгое время концентрировавших своё внимание на проблемах highpolitics, данная категория оставалась вне поля зрения. В конце XX – начале XXI вв. в связи с усилением роли социально-гуманитарного фактора в мире исследователи международных отношений также обратились к его изучению. Однако проблематика человеческого капитала в международных исследованиях оказалась достаточно аморфной. Среди специалистов в области международных отношений напрямую о человеческом капитале пишет А.И. Подберёзкин, подразумевая под этим широкий спектр вопросов, связанных с идеологией, ценностями, социально-экономическими отношениями [39].

Среди вопросов, которые обычно относятся к проблемам человека, человеческому капиталу, правам человека, анализу прав человека в российской внешней политике посвящено, в частности, исследование С.В. Чугрова, который показывает, что несовпадение в понимании фундаментальных прав человека между Россией и Западом во многом обусловлено историческим развитием [54].

Исследователи международных отношений вслед за экономистами обращаются к социально-экономическим проблемам. Однако таких работ немного. В качестве примера можно привести исследование В.М. Сергеева, показавшего,

что корни кризиса 2008-2009 гг. лежат не только в экономической или политической плоскостях, но и в доверии, которое, в том числе определяется социальной ответственностью членов общества [44]. Также к данной категории работ относится анализ миграционных, демографических процессов, наблюдаемых в современном мире. Особый интерес эти исследования стали вызывать в последние годы в связи с миграционным кризисом в Европе [3].

И тем не менее, наибольшее число российских работ, затрагивающих проблематику человеческого капитала, посвящены проблемам высшего образования, и во многом пересекается с вопросами «мягкой силы», но, разумеется, не сводится к ней.

Высшее образование, пожалуй, одна из немногих сфер, в которой российские международные исследования оказались на передовых позициях в мире. Одно из направлений здесь – развитие человеческого капитала и одновременное усиление роли России через развитие высшего образования, его интернационализацию, международное сотрудничество. Российские исследователи отмечают, что в условиях глобализации меняются функции образования. Наряду с традиционными функциями, в том числе и связанными с развитием человеческого капитала, высшее образование влияет на формирование мировой политики, приобретая политикообразующую функцию [22].

Для современного высшего образования характерны такие черты, как транснационализация, сетевая самоорганизация и маркетизация [50]. В связи с этим трансформируется и университетская политика. Университеты всё больше включаются в процессы интернационализации образования, а также разрабатывают программы обучения для разных категорий населения, в том числе и преподавателей. Указывается, что «вузы стоят перед необходимостью массового обучения и переобучения преподавателей работе с более сложным программным обеспечением – аналогично тому, как в конце 1980-х гг. самые передовые преподаватели пересели с пишущих машин за компьютеры и изучили тогда первые компьютерные программы. В 2010-х гг., как видно, предстоит ещё одна подобная «кадрово-технологическая мини-революция» [46].

Подготовка специалистов в области международных отношений [48] ведёт к развитию человеческого капитала, причём не только для России, поскольку специалисты в области международных отношений в силу своей профессиональной деятельности в наибольшей степени включены в международные процессы. Российские авторы также показывают, какие возможности открывает интернационализация высшего образования для реализации «мягкой силы» России как в краткосрочном, так и долгосрочном плане [27; 47].

Роль университетов в развитии человеческого капитала и в мировых политических процессах – ещё один аспект, который оказываются в фокусе внимания российских исследователей. Университет выступает своеобразной дискуссионной площадкой, он объединяет академическое сообщество, представителей государственных структур и бизнеса, журналистов [25]. Отмеча-

ется, что «университет может объединить сильные стороны всех подразделений, а также партнёров, выявить конкурентные преимущества и опираться на них» [18, с. 22]. При этом анализируются и негативные аспекты, связанные, в частности, со значительной дифференциацией современных университетов, а также указываются пути преодоления негативных явлений [21]. Что касается науки и отражении её роли в международных исследованиях, то эти вопросы рассматриваются в большей степени в связи с новыми технологиями и инновациями, причём в большей степени в экономическом ракурсе [см., напр., 15].

Социальная и гуманитарная проблематика, ставшая одной из наиболее значимых в современном мире, находит сегодня отражение в российских международных исследованиях. Больше всего российских исследователей привлекают вопросы «мягкой силы» и высшего образования, а также анализ манипулятивных стратегий в рамках гибридных и информационных войн, «цветных революций».

Вместе с тем представляется, что та роль, которую сегодня приобретает социальная и гуманитарная проблематика в мировой политике, далеко не в полной мере находит отражение в российских международных исследованиях. Так, почти вне фокуса исследовательского внимания в концептуальном плане оказываются международные проблемы здравоохранения, туризма, культуры, спорта молодёжных и профессиональных контактов (в том числе, и научных). И, конечно, нужны общетеоретические исследования роли гуманитарного компонента в современной мировой политике, в частности, осмысление нового социального раскола в мире по линии включённости или невключённости человека в транснациональные отношения. Правда, справедливости ради, следует отметить, что и в других странах в этом плане дела обстоят не лучше.

Развитие гуманитарных и социальных проблем в рамках российских международных исследований будет способствовать не только формированию собственно российской науки, но и может внести существенный вклад в общемировые международные исследования. С учётом того, что, с одной стороны, международные исследования по социальной и гуманитарной проблематике в мире только начинают формироваться, с другой – Россия имеет богатые культурологические, психологические, философские традиции, данная задача, представляется, вполне реальной.

Список литературы

1. Андреев А.Л. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении // Полис. 2016. № 5. С. 122-133. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.10>
2. Байков А.А. «Мягкая мощь» Европейского союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 36-46.
3. Большова Н.Н. «Пегида» как пример массовых протестных движений, возникших в Европе под влиянием миграционного кризиса // Полис. 2016. № 3. С. 123-137. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.10>

4. Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 2. С. 130-144.
5. Ваплер В.Я., Гронская Н.Э., Гусев А.С., Коршунов Д.С., Макарычев А.С., Солнцев А.В. Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы // Вопросы управления. 2010. № 1 (10). С. 22-27.
6. Воевода Е.В. Профессиональная языковая подготовка студентов-международников: вопросы дидактики // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 9-12.
7. Долинский А.В. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? [Электронный ресурс]. // Российский совет по международным делам. 2012. URL: <http://russianscouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna/>
8. Долинский А.В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 275- 280.
9. Евдокимов Е.В. «Народная дипломатия». Масовость как феномен китайской внешнеполитической пропаганды // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3. С. 285-289.
10. Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ. Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2006. 72 с.
11. Зегонов О.В. Роль СМИ как сетевого актора в мирополитических процессах // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Голден-Би, 2008. С. 140-178.
12. Зиновьева Е.С. Цифровая публичная дипломатия как инструмент урегулирования конфликтов // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 54-69.
13. Зюнова Т.В. Публичная дипломатия и ее акторы. НПО - инструмент доверия или агент влияния? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 07.08.2012. URL: http://russianscouncil.ru/inner/?id_4=681
14. Отраслевые инструменты инновационной политики / под ред. Н.И. Ивановой. М.: ИМЭМО, 2016. 161 с.
15. Иванова Н.И., Дежина И.Г. Наука и инновации: выбор приоритетов. М.: ИМЭМО, 2012. 235 с.
16. Казаринова Д. Феномен «мягкой силы» // Свободная мысль. 2011. №3. С. 187-200.
17. Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2015. 272 с.
18. Ларионова М., Сулова Д. Международное сотрудничество как ресурс развития вуза // Ректор вуза. 2012. № 7. С. 22-27.
19. Лебедева М.М., Харкевич М.В., Зиновьева Е.С., Копосова Е.Н. Архаизация государства: роль современных информационных технологий // Полис. 2016. № 6. С. 22-36. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.06.03>
20. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3(54). С. 212-223. DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223
21. Лебедева М.М. Международно-политические процессы интеграции образования // Интеграция образования. 2017. Т.21. №3. С. 385-394. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394
22. Лебедева М.М. Политикообразующая функция высшего образования в современном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 10. С. 69-75.
23. Лебедева М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 4 (43). С. 45-56. URL: DOI 10.17994/IT.2015.13.4.43.3
24. Лебедева М.М. Социально-гуманитарное измерение международных отношений в АТР // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 1 (32), январь-апрель. С. 4-15.
25. Лебедева М.М., Барабанов О.Н. Глобальные тенденции развития университетов и трансформация российской образовательной политики // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 265-279.
26. Лебедева М.М., Рустамова Л.Р., Шарко М.В. «Мягкая сила»: тёмная сторона (на примере Германии) // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 3. С. 144-153.
27. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 4. С. 200-205.
28. Лебедева М.М., Харкевич М.В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на Евразийском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 10-13.

29. Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. 272 с.
30. Леонова О.Г. «Мягкая сила» – ресурс внешней политики государства // *Обозреватель*. 2013. № 4. С. 27-40.
31. Манойло А. «Мягкая сила» террористов // *Россия и мусульманский мир*. 2017. № 3 (297). С. 137-149.
32. Манойло А.В. Информационная война как угроза российской нации // *Вестник российской нации*. 2016. № 6. С.174-184.
33. Манойло А.В. Украинский кризис и «управляемый хаос»: след «цветных революций» арабской весны // *Власть*. 2014. № 4. С. 24-28.
34. Мухаметов Р.С. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 3. Общественные науки. 2014. №2 (128). С. 84-90.
35. Панарин И.Н. Гладиаторы гибридной войны // *Экономические стратегии*. 2016. Т. 18. № 2. С. 60-65.
36. Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой силы» в мировой политике // *Вестник МГИМО-университета*. 2010. № 4. С. 91–97.
37. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: Предпосылки, корреляты и следствия // *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. №2 (35). С. 14–21.
38. Песцов С.К., Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2015. №2 (34). С. 108–114.
39. Подберёзкин А.И. Национальный человеческий капитал. В 5 т. М.: МГИМО-Университет. 2007-2012. М.: МГИМО-Университет, 2011–2013. 464 с., 400 с., 468 с., 848 с. 362 с.
40. Подберёзкин А.И., Жуков А.В. Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций // *Вестник МГИМО-Университета*. 2015. № 6 (45). С. 106-106.
41. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2014. 376 с.
42. Русакова О.Ф. Дискурс soft power в гуманитарной дипломатии: инструментально-измерительный анализ // *Гуманитарные науки*. 2015. № 2 (30). С. 91-97.
43. Рустамова Л.Р. Особенности «мягкой силы» во внешней политике ФРГ // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 1. С. 118-128.
44. Сергеев В.М. О глубинных корнях современного финансового кризиса // *Полис*. 2009. № 3. С. 47-53.
45. Тетерюк А.С. «Мягкая сила»: фактор кинематографа // *Международная аналитика*. 2014. № 2 (8). С. 170-177.
46. Торкунов А.В. Задачи и вызовы университетской политики // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 50-57.
47. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. № 4. С. 85-93.
48. Торкунов А.В. Педагогика и подготовка специалистов-международников // *Вестник МГИМО-Университета*. 2013. № 1. С. 7-8.
49. Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ // *Международные процессы*. 2008. № 6 (16). С. 76-85.
50. Харкевич М.В. Глобализация и высшее образование: возможности для России // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. № 6. С.270-276.
51. Харкевич М.В., Музалевский В.А., Осколков П.В. Архаика и правый поворот в современной Европе // *Современная Европа*. 2018. №1.
52. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США // *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 3. С. 121-133. DOI 10.17994/IT.2015.13.2.42.8
53. Чепурин А. «Три кита» российской диаспоральной политики // *Россия в глобальной политике*. 2009. № 3. С. 127-138.
54. Чугров С.В. К вопросу о правах человека в российской внешней политике // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 6. С. 3-13.
55. Чугров С.В. Мягкое притяжение Японии // *Полис*. 2015. № 6. С. 53-67. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.08>
56. Biersteker T.J. Participating in Transnational Policy Networks: Targeted Sanctions // *Narrowing the Gap: Scholars, Policymakers and International Affairs: Finding Common Cause*. Ed. by M.E. Bertucci, A.F. Lowenthal. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 2014. Pp. 137-154.
57. Nye J.S. Soft Power and Higher Education [Электронный ресурс] // *Forum for the Future of Higher Education (Archives)*. 2006. Pp. 11-14. URL: <https://library.educause.edu/~media/files/library/2005/1/ffp0502s-pdf.pdf>
58. Nye J.S. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. Oxford University Press, 2002. 240 p.
59. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. N.Y.: Basic Books, 1990. 336 p.

60. Pagovski Z.Z. *Public Diplomacy of Multilateral Organizations: The Cases of NATO, EU, and ASEAN*. Los Angeles: Figueroa Press, 2015. 51 p.
61. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. Ed. by N. Snow, Ph. M. Taylor. N.Y.: Routledge, 2009. 404 p.

Об авторе:

Марина Михайловна Лебедева – д.полит.н., к.псих.н., профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: World_Politics@MGIMO.ru.

Работа выполнена по гранту РГНФ № 16-23-41004.

SOCIAL AND HUMANITARIAN ISSUES IN INTERNATIONAL STUDIES: THE RUSSIAN PERSPECTIVE

M.M. Lebedeva
DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-7-25

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Since the end of the 20th century, with the increasing role of the human factor in the world, the importance of the social and humanitarian component in world politics has also increased. This manifested itself not only in humanitarian and social issues, but also in the fact that the human factor has become an important component of other issues, including military and economic ones.

The analysis of the Russian international studies on social and humanitarian issues in the article has been carried out in two main areas related to each other: 1) soft power and public diplomacy; 2) human capital.

Various approaches to understanding soft power and public diplomacy in Russia are analyzed under the framework of the first area. It is shown that rather often both these terms are understood as informational and propagandistic influence on the societies of other countries. In this regard, in recent years, Russian authors have paid special attention to the issues of information and hybrid wars.

Russian researches on human capital in quantitative terms is much inferior to the research of the first area. At the same time Russian works on the issues of the role of higher education, its use as a soft power were to a great extent a pioneer ones.

The main conclusion of the article is that humanitarian issues do not occupy the some prominent place in the international studies they do in real life world politics.

Key words: social and humanitarian issues, Russian international studies, soft power, public diplomacy, human capital.

References

1. Andreev A.L. "Miagkaia sila": aranzhirovka smyslov v rossiiskom ispolnenii [Soft power: the arrangement of meanings in the Russian version]. *Polis*, 2016, no. 5, pp.

- 122-133. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.10> (in Russian).
2. Baikov A.A. « Miagkaia moshch'» Evropeiskogo soiuza v global'nom silovom ravnovesii: evro-rossiiskii trek [Soft power of the European Union in the global power balance: Euro-Russian track]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 2014, no. 2 (35), pp. 36-46 (in Russian).
 3. Bol'shova N.N. "Pegida" kak primer massovykh protestnykh dvizhenii, voznikshikh v Evrope pod vlianiem migratsionnogo krizisa ["Pegida" as an example of the mass protest movements that arose in Europe under the influence of the migration crisis]. *Polis*, 2016, no. 3, pp. 123-137. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.10> (in Russian).
 4. Braterskii M.V., Skriba A.S. Kontsepsiia «miagkoi sily» vo vneshnepoliticheskoi strategii CShA [The concept of soft power in the foreign policy strategy of the USA]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaia ekonomika - Bulletin of international organizations: education, science, new economy*, 2014, vol. 9, no. 2, pp. 130-144 (in Russian).
 5. Vapler V.Ia., Gronskaiia N.E., Gusev A.S., Korshunov D.S., Makarychev A.S., Solntsev A.V. Ideia imperii i «miagkaia sila»: mirovoi opyt i rossiiskie perspektivy [The idea of the empire and the "soft power": world experience and Russian perspectives]. *Voprosy upravleniia – Management issues*, 2010, no. 1 (10), pp. 22-27. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2010/01/02/> (in Russian).
 6. Voevoda E.V. Professional'naia iazykovaia podgotovka studentov-mezhdunarodnikov: voprosy didaktiki [Professional language training for IR students: issues of didactics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2013, no. 1, pp. 9-12 (in Russian).
 7. Dolinskii A. Chto takoe obshchestvennaia diplomatiia i zachem ona nuzhna Rossii? [What is public diplomacy and why does Russia need it?]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam – Russian Council on Foreign Affairs*, 2012. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna-/> (in Russian).
 8. Dolinskii A.V. Evoliutsiia teoreticheskikh osnovanii publichnoi diplomatii [Evolution of the theoretical foundations of public diplomacy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2011, no. 2, pp. 275-280 (in Russian).
 9. Evdokimov E.V. « Narodnaia diplomatiia». Massovost' kak fenomen kitaiskoi vneshnepoliticheskoi propagandy ["People's diplomacy". Massiveness as a phenomenon of Chinese foreign policy propaganda]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2011, no. 3, pp. 285-289 (in Russian).
 10. Zevelev I.A., Troitskii M.A. Sila i vliianie v amerikano-rossiiskikh otnosheniakh: semioticheskii analiz. *Ocherki tekushchei politiki* [Essays on Current Politics]. Iss. 2. Moscow, Scientific and Educational Forum on International Relations, 2006 (in Russian).
 11. Zegonov O.V. Rol' SMI kak setevogo aktora v miropoliticheskikh protsessakh [The role of the media as a network actor in the world politics]. «Privatizatsiia» mirovoi politiki: lokal'nye deistviia – global'nye rezul'taty ["Privatization" of world politics: local actions – global results]. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow, Golden-Bi Publ., 2008, pp. 140-178 (in Russian).
 12. Zinov'eva E.S. Tsifrovaia publichnaia diplomatiia kak instrument uregulirovaniia konfliktov [Digital public diplomacy as a tool of conflict resolution]. *Publichnaia diplomatiia: Teoriia i praktika* [Public diplomacy: Theory and practice]. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow, Aspect Press Publ., 2017. Pp. 54-69 (in Russian).
 13. Zonova T.V. Publichnaia diplomatiia i ee aktory. NPO - instrument doveriia ili agent vliianiia? [Public diplomacy and its actors. NGO - a tool of trust or an agent of influence?]. *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam*

- [Russian Council on Foreign Affairs], 07.08.2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681 (in Russian).
14. *Otraslevye instrumenty innovatsionnoi politiki* [Sectoral instruments of innovation policy]. Ed. by Ivanova N.I. Moscow, IMEMO Publ., 2016. 161 p. (in Russian).
 15. Ivanova N.I., Dezhina I.G. *Nauka i innovatsii: vybor prioriteto*v [Science and innovation: choosing priorities]. Moscow, IMEMO Publ., 2012. 235 p. (in Russian).
 16. Kazarinova D. Fenomen «miagkoi sily» [The phenomenon of soft power]. *Svobodnaja mysl'*, 2011, no. 3, pp. 187-200. (in Russian).
 17. Kubyshekin A.I., Tsvetkova N.A. *Publichnaia diplomatiia SShA* [USA Public Diplomacy]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2015. 272 p. (in Russian).
 18. Larionova M., Suslova D. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo kak resurs razvitiia vuza [International cooperation as a resource for the development of the university]. *Rektor vuza*, 2012, no. 7, pp. 22-27 (in Russian).
 19. Lebedeva M.M., Kharkevich M.V., Zinov'eva E.S., Kuposova E.N. Arkhaizatsiia gosudarstva: rol' sovremennykh informatsionnykh tekhnologii. *Polis*, 2016, no. 6, pp. 22-36. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.06.03> (in Russian).
 20. Lebedeva M.M. «Miagkaia sila»: poniatie i podkhody [Soft power: the concept and approaches]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2017, no. 3(54), pp. 212-223. DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223 (in Russian).
 21. Lebedeva M.M. Mezhdunarodno-politicheskie protsessy integratsii obrazovaniia [International political processes of integration of education]. *Integratsiia obrazovaniia*, 2017, vol.21, no. 3, pp. 385-394. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394 (in Russian).
 22. Lebedeva M.M. Politikoobrazuiushchaia funktsiia vysshego obrazovaniia v sovremennom mire [Politics forming function of higher education in the current world]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2006, no. 10, pp. 69-75 (in Russian).
 23. Lebedeva M.M. Publichnaia diplomatiia v uregulirovanii konfliktov [Public diplomacy in the settlement of conflicts]. *International trends*, 2015, vol. 13, no. 4 (43), pp. 45-56. DOI 10.17994/IT.2015.13.4.43.3 (in Russian).
 24. Lebedeva M.M. Sotsial'no-gumanitarnoe izmerenie mezhdunarodnykh otnoshenii v ATR [The socio-humanitarian dimension of international relations in the Asia-Pacific region]. *International trends*, 2013, vol. 11, no. 1 (32), pp. 4-15 (in Russian).
 25. Lebedeva M.M., Barabanov O.N. Global'nye tendentsii razvitiia universitetov i transformatsiia rossiiskoi obrazovatel'noi politiki [Global trends in the development of universities and the transformation of Russian educational policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2012, no. 6, pp. 265-279 (in Russian).
 26. Lebedeva M.M., Rustamova L.R., Sharko M.V. «Miagkaia sila»: temnaia storona (na primere Germanii) [Soft power: the dark side (the example of Germany)]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2016, no. 3, pp. 144-153 (in Russian).
 27. Lebedeva M.M., For Zh. Vysshee obrazovanie kak potentsial «miagkoi sily» Rossii [Higher education as a potential soft power of Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2009, no. 4, pp. 200-205 (in Russian).
 28. Lebedeva M.M., Kharkevich M.V. «Miagkaia sila» Rossii v razvitiu integratsionnykh protsessov na Evraziiskom prostranstve [Soft power of Russia in the development of integration processes in the Eurasian space]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2014, no. 2 (35), pp. 10-13 (in Russian).
 29. Publichnaia diplomatiia: Teoriia i praktika [Public Diplomacy: Theory and Practice]. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow, Aspekt Press Publ., 2017. 272 p. (in Russian).

30. Leonova O. G. «Miagkaia sila» – resurs vneshnei politiki gosudarstva [Soft power is a resource of the state's foreign policy]. *Obozrevatel' – Observer*, 2013, no. 4, pp. 27-40 (in Russian).
31. Manoilo A. «Miagkaia sila» terroristov [Soft power of terrorists]. *Rossiiia i musul'manskii mir – Russia and the Muslim world*, 2017, no. 3 (297), pp. 137-149 (in Russian).
32. Manoilo A.V. Informatsionnaia voina kak ugroza rossiiskoi natsii [Information war as a threat to the Russian nation]. *Vestnik rossiiskoi natsii*, 2016, no. 6, pp.174-184 (in Russian).
33. Manoilo A.V. Ukrainskii krizis i «upravliaemyi khaos»: sled «tsvetnykh revoliutsii» arabskoi vesny [The Ukrainian crisis and “controlled chaos”: a trace of the “color revolutions” of the Arab Spring]. *Vlas'*, 2014, no. 4, pp. 24-28 (in Russian).
34. Mukhametov R.S. Spetsifika obshchestvennoi diplomatii kak instrumenta vneshnei politiki gosudarstva [Specificity of people diplomacy as an instrument of the state's foreign policy]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriia 3. Obshchestvennye nauki*, 2014, no. 2 (128), pp. 84-90. (in Russian).
35. Panarin I.N. Gladiatory gibridnoi voiny [Gladiators of the hybrid war]. *Ekonomicheskie strategii*, 2016, vol. 18, no. 2, pp. 60-65 (in Russian).
36. Panova E.P. Sila privlekatel'nosti: ispol'zovanie «miagkoi sily» v mirovoi politike [The power of attraction: the use of soft power in world politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2010, no. 4, pp. 91–97 (in Russian).
37. Parshin P.B. Dva ponimaniia «miagkoi sily»: Predposylki, korreliaty i sledstviia [Two understandings of “soft power”: Prerequisites, correlates and consequences]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2014, no. 2 (35), pp. 14–21 (in Russian).
38. Pestsov S.K., Bobylo A.M. «Miagkaia sila» v mirovoi politike: problema operatsionalizatsii teoreticheskogo kontsepta [Soft power in world politics: the problem of the operationalization of the theoretical concept]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia*, 2015, no. 2 (34), pp. 108–114 (in Russian).
39. Podberezkin A.I. Natsional'nyi chelovecheskii kapital. In 5 vol. [National human capital. In 5 vol.]. Moscow, MGIMO-University Publ., 2007-2012. 464 p., 400 p., 468 p., 848 p., 362 p. (in Russian).
40. Podberezkin A.I., Zhukov A.V. Publichnaia diplomatiia v silovom protivostoianii tsivilizatsii [Public diplomacy in the power confrontation of civilizations]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2015, no. 6 (45), pp. 106-106 (in Russian).
41. Soft power: teoriia, resursy, diskurs [Soft power: theory, resources, discourse]. Ed. by O.F. Rusakova. Ekaterinburg, Diskurs-Pi Publ., 2014. 376 p. (in Russian).
42. Rusakova O.F. Diskurs soft power v gumanitarnoi diplomatii: instrumental'no-izmeritel'nyi analiz [Discourse soft power in humanitarian diplomacy: instrumental analysis]. *Gumanitarnye nauki*, 2015, no. 2 (30), pp. 91-97 (in Russian).
43. Rustamova L.R. Osobennosti «miagkoi sily» vo vneshnei politike FRG [Features of soft power in the foreign policy of Germany]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2016, no. 1, pp. 118-128 (in Russian).
44. Sergeev V.M. O glubinykh korniakh sovremennogo finansovogo krizisa [On the deep roots of the current financial crisis]. *Polis*, 2009, no. 3, pp. 47-53 (in Russian).
45. Teteriuk A.S. «Miagkaia sila»: faktor kinematografa [Soft power: the factor of cinema]. *Mezhdunarodnaia analitika*, 2014, no. 2 (8), pp. 170-177 (in Russian).
46. Torkunov A.V. Zadachi i vyzovy universitetskoi politiki [Tasks and challenges of university policy]. *Mezhdunarodnye protsessy – International trends*, 2011, vol. 9, no. 1 (25), pp. 50-57 (in Russian).
47. Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument «miagkoi sily» vo vneshnei politike Rossii [Education as an instrument

- of soft power in Russia's foreign policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2012, no. 4, pp. 85-93 (in Russian).
48. Torkunov A.V. Pedagogika i podgotovka spetsialistov-mezhdunarodnikov [Pedagogy and training of specialists in international relations]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2013, no. 1, pp. 7-8 (in Russian).
 49. Fominykh A. «Miagkaia moshch'» obmennykh programm [Soft power of exchange programs]. *Mezhdunarodnye protsessy – International trends*, 2008, no. 6 (16), pp. 76-85 (in Russian).
 50. Kharkevich M.V. Globalizatsiia i vysshee obrazovanie: vozmozhnosti dlia Rossii [Globalization and Higher Education: Opportunities for Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*, 2012, no. 6, pp. 270-276 (in Russian).
 51. Kharkevich M.V., Muzalevskii V.A., Oskolkov P.V. Arkhaika i pravyy povorot v sovremennoi Evrope [Archaic and right turn in contemporary Europe]. *Sovremennaia Evropa – Contemporary Europe*, 2018, no 1. (in Russian).
 52. Tsvetkova N.A. Publichnaia diplomatiia SShA [US Public Diplomacy]. *Mezhdunarodnye protsessy – International trends*, 2015, vol. 13, no. 3, pp. 121-133. DOI 10.17994/IT.2015.13.2.42.8 (in Russian).
 53. Chepurin A. «Tri kita» rossiiskoi diasporal'noi politiki ["Three pillars" of the Russian Diaspora policy]. *Rossia v global'noi politike – Russia in global affairs*, 2009, no. 3, pp. 127-138 (in Russian).
 54. Chugrov S.V. K voprosu o pravakh cheloveka v rossiiskoi vneshnei politike [On the question of human rights in the Russian foreign policy]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2001, no. 6, pp. 3-13 (in Russian).
 55. Chugrov S.V. Miagkoe pritiiazhenie Iaponii [Soft attraction of Japan]. *Polis*, 2015, no. 6, pp. 53-67. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.08> (in Russian).
 56. Biersteker T.J. Participating in Transnational Policy Networks: Targeted Sanctions. *Narrowing the Gap: Scholars, Policymakers and International Affairs: Finding Common Cause*. Ed. by M.E. Bertucci, A.F. Lowenthal. Baltimore and London, Johns Hopkins University Press Publ., 2014. Pp. 137-154.
 57. Nye J. Soft Power and Higher Education. *Forum for the Future of Higher Education (Archives)*, 2006. Pp. 11-14. Available at: <https://library.educause.edu/~media/files/library/2005/1/ffp0502s-pdf>.
 58. Nye J.S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002. 240 p.
 59. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, Basic Books Publ., 1990. 336 p.
 60. Pagovski Z.Z. Public Diplomacy of Multilateral Organizations: The Cases of NATO, EU, and ASEAN. Los Angeles, Figueroa Press, 2015. 51 p.
 61. Routledge Handbook of Public Diplomacy. Ed. by N. Snow, Ph. M. Taylor. New Year, Routledge Publ., 2009. 404 p.

About the author:

Marina M. Lebedeva – Ph.D. (Psychology), Dr. of Science (Political Sci.), Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO-University. Russia, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, E-mail: World_Politics@MGIMO.ru.

The article is written with the financial support of the Russian Scientific Foundation for the Humanities, grant No. 16-23-41004.